

Author: Свиныин Игорь

Пробы пера: Тот которому я предназначен

Тот, которому я предназначен...

Тот, которому я предназначен,

улыбнулся, и поднял ружье...

В. Высоцкий.

За плотной стеной молодых, разлапистых сосенок слышались громкие крики и глухие хлопки выстрелов. Гнали зверя.

Притаившийся за сугробом человек улыбнулся и удобнее улегся на брезентовой подстилке. Осторожно поправил подставку под дулом карабина, провел ладонью по цевью. Скрипнул рыхлый, промерзший снег.

Шум приближался, значит, приближался и зверь. Еще ни одна ветка не шелохнулась, ни одна снежинка не выпала из пухлых подушек на хвойных лапах, а охотник уже знал, волк близко! Еще две - три секунды, и серая тень вынырнет из снежной белизны, намертво приклеится к перекрестью прицела.

Это мгновение - кульминация охоты, когда на том конце ствола чужая, жизнь, которую может оборвать одно движение твоего пальца. Ощущение гладкого цевья в ладони, неподатливого спускового крючка. Сухой щелчок механизма перед коротким взлаем карабина - вот истинная цель и смысл

жизни. Все остальное - лишь серое ожидание новой охоты.

Когда подстреленная добыча билась в конвульсиях, наш охотник уже терял к ней интерес. Трофеи давно не умещались на стенах его жилища.

Конечно, ему льстила репутации лучшего стрелка, за плечами которого всегда стоит удача. Он не отказывался от призов, но сердце его билось чаще, только когда он видел звериный силуэт, припиленный к земле прицелом, как бабочка булавкой.

Наконец ожидание кончилось. Среди темных стволов мелькнула стремительная тень, оставив в морозном воздухе рой ледяных искр. Ночной охотник, вечный страх лесных обитателей и глупой домашней скотины, теперь сам стал дичью.

Волк мчался сквозь родной лес, убегая от шума и пугающих запахов. Весь его прежний опыт был бесполезен. Двунogie хищники были хитрее. Впереди ждала лишь гибель от свинца, спящего до поры в глубине ружейных стволов.

Волк бесшумно выскочил на поляну. Чутье заставило его остановиться. Он взглянул в сторону притаившегося охотника. Перекрестье прицельных нитей легло между глаз зверя. Палец плавно потянул спусковой крючок.

Но в этот раз все пошло не так. Мир вздрогнул и замер, будто испугавшись того, что должно произойти. Мертвая тишина окутала лес, снежинки замерли в полете. И само время остановилось, склонилось над поляной, накрыв ее своим бесцветным плащом.

Волк смотрел в глаза человеку.

Кто из живущих знает, как отзовется каждый наш шаг, канет ли он ничтожной каплей в океане чужих жизней или станет песчинкой, породившей лавину?

Кто знает, где весы, чьи чаши наполняют прожитые нами мгновения, с самого нашего рождения падая в глубину одной из них, чистой и прозрачной каплей летнего дождя, перламутровой жемчужиной или сверкающим алмазом, другой черным свинцовым шариком, смоляной каплей или зелеными брызгами яда.

Кто скажет, какая из чаш перевесит, и где тот предел, за которым неведомая рука опорожнит их, бесповоротно определив меру вины и воздаяния.

Человек смотрел в глаза волку. В черных зрачках затаилась бездна. Она жадно тянула в себя сознание охотника. Как крупинку пепла в каминную трубу, его влекло за грань этого мира. Солнечный свет померк. Вокруг клубился серый туман - стремительное мелькание дня и ночи. В одно бесконечное мгновение охотник успел прожить бесчисленное множество жизней - чужих, звериных, полных болью голодом и страхом. Агония смерти сменялась шоком рождения, и, казалось, этой цепи не будет конца. Но дно есть у любого колодца.

Круг замкнулся. Он стоял посреди поляны. Изрезанные ледяными кристаллами лапы тонули в рыхлом снегу. Промерзший воздух обжигал легкие. Он видел вперившийся в переносицу черный зрачок ружейного ствола. Сквозь линзы прицела он смотрел в глаза самому себе. И знал, курок уже спущен. Сейчас пуля вырвется из гильзы, чтобы впиться ему между глаз.

Человек вздрогнул от грома выстрела и ощутил боль отдачи в плече. Пальцы судорожно стиснули карабин. Волк подпрыгнул, и покатился по снегу, пятная его алым.

Снежинки продолжали свой полет. Тело зверя неподвижно замерло посреди поляны. Наваждение минуло но память осталась. Охотник понял, что знает всю свою будущую жизнь до самого последнего мгновения. И даже далее. Он помнил всю цепь перерождений, которая вновь приведет его на эту поляну. Но уже по ту сторону прицела.

Он жадно всматривался в искристо белую красоту зимнего леса, пытаясь хоть на мгновение забыть ужас приоткрывшейся двери. Но взгляд зацепился за серое пятно на снегу, и безжалостные ледяные пальцы сжали сердце.

Даже много лет спустя его друзья недоумевали, что заставило знаменитого охотника бросить все и укрыться от мира за стенами монастыря.

Только кто из них мог понять, каково это - жить без надежды на прощение, зная, что даже за последней чертой тебе не найти спасительного забвения.